

Александр Густавович Брикнер (1834–1880) — известный российский историк немецкого происхождения, доктор философии, профессор.

Главной темой, вокруг которой группировались его крупные труды, являлся процесс «европеизации» России путём проникновения в нее западно-европейских понятий и интересов. Брикнер А.Г. был не только самостоятельным исследователем, но также и популяризатором новых явлений в русской историографии, посвященной вопросам политической и культурной истории XVII–XVIII вв.

А.Г. Брикнер

ИСТОРИЯ
ПЕТРА ВЕЛИКОГО

(в двух томах)

ОГИЗ
Издательство АСТ
Москва
2023 год

УДК 94(47)"16/17"
ББК 63.3(2)46
Б87

*Все права защищены.
Любое использование материалов данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается*

Брикнер, Александр Густавович.

Б87 История Петра Великого / А.Г. Брикнер. — Москва : Издательство АСТ: ОГИЗ, 2023. — 560 с. — (*История Подарочная*).

ISBN 978-5-17-154537-6

Александр Густавович Брикнер (1834–1880) — известный российский историк немецкого происхождения, доктор философии, профессор. Его важнейшие труды посвящены, культурной и политической истории России XVII и XVIII веков.

Монументальный труд Брикнера «История Петра Великого» всесторонне и беспристрастно характеризует личность Петра Великого. Детство и юность российского императора, годы учения в Европе, подавление стрелецкого бунта, Азовские походы, Северная война, преобразование старой России в сильное государство — обо всем этом Александр Густавович повествует легко и увлекательно, воссоздавая колорит эпохи великих преобразований, в полной мере выявляя значение петровской реформы для развития российского государства и общества.

УДК94(47)"16/17"
ББК 63.3(2)46

ТОМ ПЕРВЫЙ

ВВЕДЕНИЕ

Историческое развитие России последних веков заключается главным образом в превращении ее из азиатского государства в европейское. Замечательнейшей эпохой в процессе европеизации России было царствование Петра Великого.

Изучение начала русской истории наравне с исследованием происхождения других государств представляет целый ряд этнографических вопросов. Нелегко точно определить происхождение и характер разнородных элементов, встречающихся на пороге русской истории. Зачатки государственной жизни, сперва в Ладогe, затем в Новгороде, немного позже в Киеве, относятся к появлению и взаимодействию различных племен славян и варягов, финских и тюрко-татарских народов. Многие явления этого самого раннего времени, несмотря на все усилия ученых, остаются неразгаданными; сюда необходимо отнести и вопрос о варягах. Мы не беремся решить: славянам или неславянам должно приписывать ту силу и смелость, ту воинственность и предприимчивость, которые обнаруживаются в первое время истории России в больших походах к берегам Волги и Каспийского моря и на Византию.

Как бы то ни было, но с первого мгновения появления славян на исторической сцене в России заметно более или менее важное влияние на них иностранных, иноплеменных элементов. С одной стороны, славяне смешиваются с представителями Востока, с находившимися в близком

соседстве степными варварами, с другой — они находятся под влиянием западноевропейской культуры.

Особенно же сильным было византийское влияние. Византия стояла в культурном отношении гораздо выше других соседей России. От Византии Россия заимствовала религию и церковь. Однако не во всех отношениях влияние Византии было полезным и плодотворным. Византийское влияние характеризовалось преобладанием в мирозерцании русского народа в продолжение нескольких столетий чрезмерно консервативных воззрений в области веры, нравственности, умственного развития. И о светлых, и о мрачных чертах византийского влияния свидетельствует «Домострой». Приходилось впоследствии освобождаться от домостроевских понятий, воззрений и приемов общежития. Византийского же происхождения были и монашество в России, и аскетизм, находящийся в самой тесной связи с развитием раскола.

Одновременно с этим влиянием Византии на Россию заметно старание римской церкви покорить Россию латинству. Попытки, сделанные в этом отношении при Данииле Романовиче Галицком, Александре Невском, Лжедмитрии, остались безуспешными; все усилия, направленные к соединению церквей, оказались тщетными. С одной стороны, в этом заключалась выгода, с другой — в таком уклонении от сближения с Западной Европой представлялась опасность некоторого застоя, китаизма. Отвергая преимущества западноевропейской цивилизации из-за неприязни к латинству и пребывая неуклонно в заимствованных у средневековой Византии приемах общежития, Россия легко могла лишиться участия в результатах общечеловеческого развития.

К этому злу присоединилось татарское иго. Россия сделалась вассальным государством татарского Востока. Влияние татар оказалось сильным, продолжительным. Оно обнаруживалось в сфере администрации и государственного хозяйства, в ратном деле и в судоустройстве, в отношении к разным приемам общежития и домашнего быта. О мере этого влияния можно спорить, но самый факт и существенный вред его не подлежат сомнению. Зато в духовном отношении сохранилась полная независимость от татар, между тем как в нравах и обычаях обывденной жизни, в усиленной склонности к хищничеству, в казачестве, в ослаблении чувства права, долга и обязанности, в нравственной порче чиновного люда, в порабощении и унижении женщины нельзя не видеть доказательств сильного и главным образом неблагоприятного татарского влияния.

Результатом совместного влияния Византии и татар на Россию было отчуждение ее от Запада в продолжение нескольких столетий, а между тем важнейшее условие более успешного исторического развития России заключалось в сближении с Европой, в солидарности с народами, находящимися на более высокой степени культуры и пользовавшимися более благоприятными условиями для своего дальнейшего развития.

Первым и главнейшим средством для достижения этой цели было объединение России. Освобождение от татарского ига обуславливалось образованием сильного политического центра — Московского государства. Представители последнего приступили почти одновременно к решению задачи восстановления политической самостоятельности России и к принятию мер для доставления ей возможности участвовать в общечеловеческом прогрессе. И в том и в другом отношении успехи «собираателей Русской земли» замечательны. Обозревая целый ряд северо-восточных государей, начиная с Андрея Боголюбского и до Ивана III, нельзя не заметить во всех необычайной стойкости воли, трезвости политического взгляда, сознания нужд государства. В их подвигах, в стремлении к политическому единству, к независимости, к развитию монархического начала им помогал народ, собравшийся в плотную силу вокруг Москвы.

Последовательность и целесообразность действий московских государей обнаруживались в борьбе с татарами на Волге. Во что чтобы то ни стало нужно было взять Казань. Недаром окончательный успех 1552 года произвел столь глубокое впечатление на современников. Наравне с Мамаевым побоищем взятие Казани делалось любимым предметом народной поэзии. Личность Ивана IV, не выказавшего, впрочем, особенного мужества, благодаря этому событию и несмотря на следующую затем эпоху террора, долго пользовалась некоторой популярностью. Летописцы говорят о его подвиге с жаром стихотворцев, призывая современников и потомство к великому зрелищу Казани, обновляемой во имя Христа.

Борьба между исламом и христианской верой была в полном разгаре. «Исчезла прелесть Магометова, — говорил Иван народу, — на ее месте водружен святой крест». После многих веков унижения и страдания возвратилось, наконец, счастливое время первых князей-завоевателей. Недаром митрополит сравнивал Ивана с Константином Великим, с Владимиром Святым, с Александром Невским, с Дмитрием Донским; недаром жители степей и кибиток защищали Казань с таким ожесточени-

ем; здесь Средняя Азия под знаменем Магомета билась за последний оплот против Европы, шедшей под христианским знаменем государя московского. До тех пор пока существовала Казань, дальнейшее движение славянской колонизации на восток не имело простора; со времени взятия Казани европеизация Азии могла считаться обеспеченной. Более резко, чем когда-либо до этого, пробудилось чувство антагонизма между Россией и исламом.

Тем важнее было именно то время, когда Россия благодаря победе, одержанной над Азией, сделалась более доступной влиянию западной цивилизации. Другое событие, случившееся год спустя после взятия Казани, — открытие англичанами морского пути в Белое море. Пробираясь дальше по берегам Северного океана, английские мореплаватели Уйллоуби и Ченселор надеялись доехать до Китая и Индии. Первый стал жертвой этой полярной экспедиции; второй оказался около устья Северной Двины.

Этот факт составляет эпоху в истории торговых отношений между Востоком и Западом. Для России такое географическое открытие было самым важным условием сближения с Европой. Однако оказалось, что народы Запада гораздо более стремились к Востоку, нежели русские к Западу. Русским за несколько десятилетий до Ченселорова путешествия была известна дорога морем вокруг северной оконечности Скандинавии. Этим путем ехали в Западную Европу русские дипломаты — Григорий Истома в 1496 году, а немного позже Василий Власьев и Дмитрий Герасимов. Несмотря на это, не ранее как после прибытия англичан с запада к устью Двины означенный путь стал весьма важным для торговли. Английские моряки, купцы, промышленники, приезжавшие в большом числе в Россию и отправлявшиеся через Россию дальше, в направлении к Китаю, Индии, Персии и проч., сделались полезными наставниками русских. В продолжение полутора столетий место около Двины, где англичане устроили свою главную контору, имело для сближения России с Западом то значение, какое впоследствии получил Петербург.

Открытием северного пути в Россию было обеспечено дальнейшее сближение с западной цивилизацией. Пока, однако, сообщение с Европой было сопряжено с большими затруднениями вследствие враждебных отношений друг к другу Польши и Московского государства.

Польша весьма долгое время на Западе считалась оплотом против враждебного Востока. К последнему обыкновенно относили

Московское государство, о котором существовали такие же мнения, какие были распространены о Персии или Абиссинии, Китае или Японии. Польша в области цивилизации вообще и ратного искусства в частности стояла выше России; к тому же Польша через свои связи с Римом и иезуитским орденом на Востоке, по отношению к России занимала такую же позицию, какую на крайнем западе Европы занимала Испания по отношению к Англии. Одновременно со сближением между Англией и Россией Польша, располагая довольно значительными средствами вдоль западной границы Московского государства, заслоняла Европу от России.

Мало того, России, только что вышедшей победительницей из борьбы с Азией, грозила опасность лишиться вновь недавно приобретенной самостоятельности и превратиться в польскую провинцию. Эту цель имели в виду и фанатические представители католицизма в Польше, и некоторые из польских королей и вельмож. Перевес Польши над Москвой обнаружился во время войны Стефана Батория с Иваном Грозным, а еще более в Смутное время. Впрочем, ожидание, что первый Лжедмитрий сделается орудием польских интересов, оказалось лишенным основания. «Тушинский вор» был доступнее польскому влиянию; когда затем, после свержения с престола царя Василия, полякам удалось принудить бояр к избранию в московские цари королевича Владислава, можно было опасаться совершенного уничтожения независимости Московского государства.

Тем не менее Россия не сделалась польской провинцией. Спасение ее заключалось в пробуждении национального чувства и сознания собственного достоинства, в ненависти к латинству, в ожесточении против врагов, безжалостно опустошавших даже центральные области Московского государства, в преобладании здоровых элементов в народе, одержавших верх над противообщественными и противогосударственными элементами на юге и юго-востоке России.

Изгнание поляков из России, протест против всяких притязаний Польши на русский престол, избрание царя Михаила Федоровича, восстановление порядка после долгого времени неурядицы и безначалия — все это было геройским подвигом народа, было не только спасением, но обновлением государства, обеспечением его будущности.

Многого, однако, еще недоставало для установления мирных и благоприятных отношений между Польшей и Россией. Не ранее как в 1667 году

заклучением мира в Андрусове кончилась ожесточенная борьба, в которой большие города — Смоленск, Киев, наконец, Малороссия, — являлись яблоком раздора. В продолжение этого времени изменилось соотношение сил и средств обеих держав. Все более и более обнаруживался упадок Польши. Присоединение Малороссии к Московскому государству могло некоторым образом считаться началом разделов Польши.

Во время этой ожесточенной и упорной борьбы Россия оставалась отрезанной от Западной Европы; по крайней мере, сообщение с Западом прямым путем встречало препятствия. Путь из Москвы в Западную Европу шел через Архангельск и вокруг Норвегии. Нельзя удивляться тому, что русские дипломаты, путешествовавшие, например, в Италию, по несколько месяцев находились в дороге, подвергаясь страшным опасностям.

В связи с тем что Швеция имела больший вес в мире, Россия оставалась долго отрезанной от берегов Балтийского моря. Старания Ивана IV в середине XVI века и царя Алексея Михайловича столетием позже завладеть Прибалтийским краем не имели успеха. Недаром Густав Адольф по случаю заключения Столбовского договора в 1617 году с радостью говорил: «Великое благодеяние оказал Бог Швеции тем, что русские, с которыми мы исстари жили в неопределенном состоянии и в опасном положении, теперь навеки покинут разбойничье гнездо, из которого прежде так часто нас беспокоили. Русские — опасные соседи; границы их земли простираются до Северного, Каспийского и Черного морей; у них могущественное дворянство, многочисленное крестьянство, многолюдные города; они могут выставить в поле большое войско; а теперь этот враг без нашего позволения не может ни одного судна спустить на Балтийское море. Большие озера — Ладожское и Пейпус, Нарвская область, тридцать миль обширных болот и сильные крепости отделяют нас от него; у России отнято море, и, Бог даст, теперь русским трудно будет перепрыгнуть через этот ручеек».

Из всего видно, какое значение имели для России восстановившиеся, наконец, мирные отношения с польскими соседями. Обеспеченная со стороны Польши, Россия могла думать о решительных мерах против набегов татар, о наступательном движении к берегам Черного и Азовского морей. Польша и Россия решились вместе действовать против татар и турок; Польша и Россия соединились немного позже для борьбы против Швеции. Таким образом, после того как в начале XVII века положе-

ние России было крайне опасным, чуть не отчаянным, во второй половине того же столетия для нее открывались в разных направлениях новые пути торговли, возбуждались богатые надежды, рождалась новая политическая деятельность.

И не только в политическом отношении мир с Польшей принес богатые результаты. Польша более чем прежде могла сделаться школой для России. Отсюда можно было заимствовать вкус к занятиям науками; из Польши и из Малороссии, где академия служила рассадником молодых ученых, русские вельможи выписывали для воспитания своих детей домашних учителей и наставников. Польские нравы, знание польского языка, знакомство с латинским языком стали входить в обычай в некоторых кругах высшего общества в Московском государстве; малороссийские богословы, учившиеся в Западной Европе, начали приезжать в Россию, где успешно соперничали с греческими монахами и учеными, приезжавшими из турецких владений. В области драматического искусства, музыки, литературы становилось заметным польское влияние. Первые приверженцы западноевропейской цивилизации — Ордын-Нащокин, Ртищев, А. С. Матвеев, кн. В. В. Голицын — весьма многим были обязаны польскому влиянию. И первые государи царствующего дома Романовых находились под влиянием польской культуры. Отец Михаила Федоровича, Филарет, несколько лет прожил в Польше; Алексей Михайлович принимал личное участие в войнах с Польшей в то время, когда русские войска пребывали в неприятельской стране, при дворе Федора Алексеевича некоторое время господствовали польские нравы и польские моды. Петр родился в то время, когда уже завязалась борьба между стариной и новизной, между восточным китаизмом и западноевропейским космополитизмом, между ограниченностью исключительно национальных начал и общегуманистическими воззрениями.

Одновременно с развитием готовности России вступить в отношения с Западом усиливалось и внимание, обращаемое на Московское государство со стороны Западной Европы.

До XVI века на Западе почти ничего не знали о России. Затем труд Герберштейна некоторое время оставался главным, чуть ли не единственным источником познаний, относящихся к Московскому государству. Устные рассказы Герберштейна о его пребывании на Востоке казались многим современникам, например, брату Карла V Фердинанду,

Русский царь Алексей Михайлович и царица Наталья Кирилловна.

Гравюра из книги 1900 г.

Ульриху Гуттену и другим, в высшей степени достойными внимания и занимательными. Открытие англичанами морского пути в Россию через Северный океан имело следствием появление целой литературы о России, так что знаменитый поэт Мильтон, написавший в XVII столетии краткую историю России, мог при составлении своего труда указать на целый ряд английских сочинений об этом предмете.

Во второй половине XVI века появились на Западе опасения относительно быстрого развития сил и средств России. Когда туда начали отправляться в большом количестве ремесленники и художники, инженеры и артиллеристы, рудознатцы и офицеры, не раз был возбужден вопрос о необходимости запрещения такой эмиграции. Между прочим, герцог Альба, знаменитый полководец эпохи короля Филиппа II, в послании к сейму во Франкфурт от 10 июля 1571 года, выставлял на вид необходимость запрещения вывоза из Германии в Россию военных снарядов, в особенности огнестрельного оружия¹. Король польский Сигизмунд писал к королеве английской Елизавете в 1567 году: «Дозволить плавание в Московию воспрещают нам важнейшие причины, не только наши частные, но и всего христианского мира и религии, ибо неприятель от сообщения просвещается и, что еще важнее, снабжается оружием, до тех пор в этой варварской стране невиданным; всего же важнее, как мы полагаем, он снабжается самыми художниками, так что, если впредь и ничего не будут привозить ему, так художники, которые при таком развитии морских сообщений легко ему подсылаются, в самой той варварской стране наделают ему всего, что нужно для войны и что доселе ему было неизвестно». «Сверх того, — сказано в другом письме от 1568 года, — всего более заслуживает внимания, что московиты снабжаются сведениями о всех наших даже сокровеннейших намерениях, чтобы потом воспользоваться ими, чего не дай Бог, на гибель нашим...» и проч². Столь же враждебно относились к России и в таком же духе старались действовать ганзейские города: Любек, Ревель, Дерпт и проч. По крайней мере, в некоторой части Западной Европы господствовало убеждение, что усиление Московского государства должно считаться несчастьем и что потому следует всеми силами препятствовать участию русских в результатах общей цивилизации.

¹ Havemann. Innere Geschichte Spaniens, 287.

² Гамель. Англичане в России, 83 и 84.

В особенности католические страны были проникнуты убеждением о необходимости держать Россию в «черном теле». К счастью для России, голландцы и англичане находили, однако же, для себя более выгодным не разделять мнений герцога Альбы и короля Сигизмунда, а, напротив, поддерживать оживленные отношения с Россией.

Достоинно внимания противоречие в отзывах этого времени о России. В самых резких выражениях английский дипломат Флетчер в своем сочинении *Of the russe commonwealth*, появившемся в Лондоне в 1591 году, осуждает варварство России, сравнивая Московское государство с Турцией, порицая деспотизм царя, продажность приказных и подьячих, обскурантизм духовенства, рабский дух в обществе. Совсем иначе писал Маржерет к французскому королю Генриху IV, посвящая последнему свое сочинение *Estat de l'empire de Russie* (Paris, 1607): «Напрасно думают, что мир христианский ограничивается Венгрией; я могу уверить, что Россия служит твердым оплотом для христианства».

Немудрено, впрочем, что Россия в XVII веке производила на западноевропейцев впечатление восточного государства. Адам Олеарий в своем знаменитом сочинении говорит о России и Персии в одном и том же стиле, как о странах и в приемах общежития, и в государственных учреждениях не имеющих ничего общего с государствами Западной Европы. Русские дипломаты, являвшиеся на Западе, удивляли всех своим азиатским костюмом, незнанием европейских языков и к тому же довольно часто отличались грубостью нравов, разными неблагоприятными поступками.

С другой стороны, оригинальность и своеобразность всего, что относилось к России, не могло не возбуждать любопытства. В то время общими явлениями было стремление к географическим открытиям, страсть к изучению этнографии, языкознания. Во всех этих отношениях Россия представляла собой богатую почву для собирания всевозможных сведений. Тут встречалось и неисчерпаемое множество наречий, громадная масса возможностей для изучения флоры и фауны, богатый материал для метеорологических наблюдений и для археологических изысканий.

Несмотря на то что некоторые государственные люди относились к России враждебно, отрицали пользу отношений с ней, ученые рассуждали совершенно иначе. Особенно англичане сумели соединить теоретическое изучение России в отношении к естественным наукам с практическими целями торговой политики. Таков характер трудов Традесканта

в начале XVII века. Голландец Исаак Масса, в это же время находившийся в России, известный амстердамский бургомистр Николай Витзен, побывавший в ней во второй половине XVII века, чрезвычайно ревностно собирали сведения не только о Европейской России, но и о Сибири. Маржерет напечатал свой труд о России по желанию короля Генриха IV. Английский король Яков II с напряженным вниманием слушал рассказы Патрика Гордона о России, заставляя его сообщать сведения о военном устройстве, о главных государственных деятелях в Московском государстве. Сочинение Фабри о состоянии русской церкви, явившееся уже в первой половине XVI века, считалось авторитетным в этой области.

Западноевропейские государи, подданные которых проживали в России, следя за судьбой последних, узнавали многое об условиях жизни в России и через дипломатических агентов, имевших полномочия консулов, старались обеспечивать права иностранцев в России. Не раз возобновлялись попытки распространения католицизма в России. Витзен был покровителем находившихся в Москве лиц реформатского исповедания; герцог Эрнст Саксен-Кобургский, протектор проживавших в Москве лютеран, получал нередко отчеты о состоянии немецкого прихода и денежными пособиями поддерживал нужды церкви и школы. Многие шотландцы, англичане, голландцы и немцы, проживавшие в Москве, сообщали своим родственникам и знакомым в Западной Европе разные сведения о России. В журнале *Theatrum Europaeum* в продолжение XVII века часто печатались донесения из России о происходивших там событиях. Вскоре после бунта Стеньки Разина это событие послужило предметом ученой диссертации, публично защищаемой в Виттенбергском университете. В 1696 году в Оксфорде появилась грамматика русского языка, составленная Людольфом, секретарем принца Георга Датского.

Во второй половине XVII века Китай сделался предметом специального изучения в Западной Европе. Одновременно с этим и Россия все более и более удостоивалась внимания. Особенно же знаменитый философ Лейбниц с сочувствием относился к России. Однажды он заметил, что в одно и то же время разные неевропейские государи приступили к важным преобразованиям, а именно китайский император, король Абиссинии и царь московский³. Лейбниц выразил желание содейство-

³ Guerrier. Leibniz in seinen Beziehungen zu Russland und Peter d. Gr., 15.